

ISSN 2307-4671

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФАКУЛЬТЕТ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК
КАФЕДРА РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ
И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
ЛАБОРАТОРИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ
И РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

**МИРОВОЗЗРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ
ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ**

ВЫПУСК VI

Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета
2013

ISSN 2307-4671

The Ministry of Education and Science of the Russian Federation
Altai State University
Faculty of the political science
Department of the religion science and state-confessional relations
Laboratory of the ethnocultural and religion science research

**THE WORLDVIEW OF THE POPULATION
OF THE SOUTH SIBERIA AND CENTRAL
ASIA IN THE HISTORICAL RETROSPECTION**

VI ISSUE

BARNAUL – 2013

УДК 29(571.1/.5) + 29 (1-952.3)
ББК 86.29(253.7)я43 + 86.29(54)я43
М64

Ответственный редактор:
доктор исторических наук *П.К. Дашковский*

Редакционная коллегия:
доктор исторических наук *Л.Н. Ермоленко*
доктор культурологии *Л.С. Марсадолов*
доктор исторических наук *Т.Д. Скрынникова*
доктор философских наук *О.М. Хомушку*
доктор исторических наук *Л.И. Шерстова*
доктор исторических наук *С.А. Яценко*

М64 **Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе** : сборник статей / под ред. П.К. Дашковского. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. – Вып. VI. – 266 с.: ил.

В сборнике представлены результаты изучения различных мировоззренческих систем народов, проживавших на территории Южной Сибири и Центральной Азии в древности, эпоху Средневековья и в период этнографической современности. Ряд работ посвящен изучению религиозных верований и обрядов современных традиционных обществ, новым религиозным движениям, а также особенностям государственно-конфессиональной политики.

Издание рассчитано на религиоведов, историков, археологов, этнографов, культурологов и всех интересующихся историей религий и культуры народов Азии.

УДК 29(571.1/.5) + 29 (1-952.3)
ББК 86.29(253.7)я43 + 86.29(54)я43

Сборник подготовлен и издан при финансовой поддержке гранта РГНФ-МинОКН Монголии «Этнокультурные и политические процессы как факторы исторической динамики религиозной ситуации в трансграничном пространстве юга Западной Сибири и Западной Монголии» (проект №13-21-03001)

© Оформление. Изд-во Алтайского госуниверситета, 2013

УДК 29(571.1/.5) + 29 (1-952.3)
ББК 86.29(253.7)я43 + 86.29(54)я43
М64

Executive editor:

P.K. Dashkovskiy (Doctor of Historical Sciences)

Editorial board:

L.N. Ermolenko (Doctor of Historical Sciences)
L.S. Marsadolov (Doctor of Culturological Sciences)
T.D. Skrynnikova (Doctor of Historical Sciences)
O.M. Homushku (Doctor of Philosophic Sciences)
L.I. Sherstova (Doctor of Historical Sciences)
S.A. Yatchenko (Doctor of Historical Sciences)

М64 The worldview of the population of the South Siberia and Central Asia in the historical retrospection / Ex. editor P.K. Dashkovski. – Barnaul, 2013. – VI Issue. – 266 p.

In the collection of the papers the results of the research of the various world view system of the people lived on the territory of the South Siberia and Central Asia in ancient times, in the epoch of the Middle age and in the period of the ethnographical present. Series of works are devoted to the research of the religious beliefs and rituals of the modern and traditional societies, new religious movements as well as the features of the state-confessional relations.

The book is directed towards the specialists of the religious study, historians, archaeologists, ethnographers, specialists on the cultural studies and everyone who are interested in the history of religions and culture of the people of Asia.

УДК 29(571.1/.5) + 29 (1-952.3)
ББК 86.29(253.7)я43 + 86.29(54)я43

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
-------------------	---

I. РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ИСТОРИИ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

<i>Дашковский П.К.</i> Некоторые аспекты междисциплинарных исследований в отечественном религиоведении	9
<i>Ковтун И.В.</i> Пробраз варуны на кинжале из Сеймы	18
<i>Сотникова С.В.</i> О семантике парных погребений андроновской эпохи	36
<i>Нуржанов А.А.</i> Мусульманское денежное отношение Средней Азии и Казахстана в эпоху Средневековья (VII–XVIII вв.)	50
<i>Пилипчук Я.В.</i> Католицизм у кыпчаков	62
<i>Руденко С.А.</i> Могильники Волжской Булгарии и Булгарского улуса Золотой Орды как источник по изучению мировоззрения средневекового населения Волго-Камья: вопросы систематизации	72
<i>Тишин В.В.</i> Некоторые заметки о служителях культов у древних тюрков VI–VIII вв.	102

II. САКРАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА И ПАЛЕОАСТРОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г., Паршиков С.А.</i> Наблюдательная астрономия и системы счисления времени бронзового века Северной Хакасии (к проблеме астрального характера религии жречества окуневской культуры)	120
<i>Сериков Ю.Б.</i> Культы и обряды древнего населения Среднего Урала по материалам пещерных святилищ р. Чусовой	147
<i>Шелепова Е.В.</i> Сакральное пространство в культурах кочевников Саяно-Алтая и Западной Монголии раннескифского времени	166
<i>Шевченко Д.В.</i> Половая символика в христианстве как архаический, культурный феномен (по материалам полевых исследований росписей в христианских храмовых комплексах в Каппадокии. Турция)	179

III. ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ, ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ И РОССИИ

<i>Бүрэн-Өлзий И., Цэдэв Н., Баяртунгалаг Г.</i> Некоторые результаты исследования по религиозным вопросам, проведенного в Ховдском аймаке.....	192
<i>Жанбосинова А.С.</i> О деятельности контрреволюционных религиозных групп в восточном регионе Казахстана в 30-е гг. XX в.	203
<i>Запорожченко А.В., Славко В.Е.</i> Элементы шаманизма в народных религиозных традициях Южной Европы (на примере словенских и хорватских кресников).....	215
<i>Останин В.В.</i> Вайшнаизм на Алтае (двадцать лет спустя).....	224
<i>Содномпилова М.М.</i> Культ монгол-бурханов в традиции западных бурят	230
<i>Цэдэв Н., Бүрэн-Өлзий И., Баяртунгалаг Г., Пурэвсурэн Ц.</i> Город Ховд как центр пересечения мировых религий.....	238
<i>Шерстова Л.И.</i> Бурханизм и проблема новых идентичностей народов Горного Алтая	243
<i>Эшматова Г.Б.</i> Повышение значимости религиозных объединений в расширении демократизма духовно-нравственной сферы жизнедеятельности	251
Список сокращений	259
Сведения об авторах	261

Л.И. Шерстова

Томский государственный университет, Томск

БУРХАНИЗМ И ПРОБЛЕМА НОВЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ НАРОДОВ ГОРНОГО АЛТАЯ

В современной историографии проблема возникновения бурханизма в Горном Алтае изучена достаточно полно. Предложены различные трактовки этого религиозного феномена, проведен компонентный анализ религиозной системы бурханизма, выявлены причины его появления, аргументированно доказана его связь с процессом этнической консолидации алтай-кижи к началу XX в. (Анохин А.В.; Данилин А.Г., 1993; Шерстова Л.И., 1985; 2010).

Между тем, будучи сложным идеологическим феноменом и одновременно базовым элементом этнической идентичности части коренного населения Горного Алтая, бурханизм продолжал эволюционировать на протяжении всего XX в. И если в советский период истории он поддерживался на семейном уровне, являясь неотъемлемой частью повседневной культуры алтай-кижи и, соответственно, достаточно закрытым для иноэтничного и иноконфессионального окружения, то в 1990-е гг., в условиях кризиса советской идентичности и поиска новых этнических ориентиров, он вышел за пределы аила. Более того, в перестроечные и постперестроечные годы интерес к бурханизму преодолел академические барьеры и стал предметом живого обсуждения среди алтайской общественности.

На базе разрозненных сведений о бурханизме в 1990-е гг. в алтайской среде возникло два общественно-религиозных движения: «Ак-Бурхан» и «Ак-Дъан», приверженцы которых находятся в сложных отношениях между собой. Не вдаваясь в подробности, замечу: оба названия восходят к началу XX в., когда возникшее в Горном Алтае религиозное движение русские назвали «бурханизмом», сами же его последователи – «ак-дъан» («белая вера»). То, что оба современных движения произошли от одного истока и носят соответствующие названия, указывает на *значимость* бурханистских идей в сегодняшнем алтайском обществе и на то, что за столет с момента его провозглашения он по-прежнему остается *развивающимся* комплексом идей и настроений. Показательным оказалось также проведение Институтом алтаистики (Горно-Алтайск) в 2004 г. научной конференции, посвященной столетию молений в

долине Тёрёнг, когда бурханизм открыто заявил о себе миру. Конференция имела широкий общественный резонанс в Республике Алтай.

В 1990–2000-е гг. стали появляться работы, слишком расширительно и произвольно трактующие бурханизм. Примером может служить монография В.Я. Бутанаева «Бурханизм тюрков Саяно-Алтая» (2002). Под «бурханизмом» здесь понимаются архаичные, дошаманские верования, действительно присущие тюркоязычному населению этого региона (Южно-Сибирского этнокультурного ареала), но они являются *только одним* (и не ведущим) из элементов бурханистской идеологии алтай-кижи.

Не меньшие возражения вызывают попытки Н.А. Тадиной (2005, с. 43–44) представить бурханизм как стремление части населения Горного Алтая сохранить традиционный образ жизни, который, по ее мнению, включает в себя знание родного языка и происхождение из алтайского, а не смешанного села. При этом автором игнорируется понимание бурханизма как развивающейся идеологии. Бурханизм начала XX в. существенно отличается от современных бурханистских представлений и настроений. В начале XX в. проблема сохранения традиционной культуры алтайцев не стояла, а «смешанные села» представляли собой немногочисленные миссионерские станы на левобережье Катуня, где в 1904 г. и обозначился очаг бурханистского движения. В разгар молений, действительно, некоторые последователи «новой веры» отвергали товары русского производства. Подобные действия алтайцев начала XX в. имеют прямые аналогии в миллениаристских движениях, в частности, в «культе Карго» меланезийцев. Однако это демонстрировало и акцентировало этническое и конфессиональное противостояние формирующихся этносов окружающему миру. В настоящее же время актуальной является проблема сохранения традиционной культуры в противовес унификации и глобализации, и такие настроения имеют характер универсального межцивилизационного конфликта.

При этом следует заметить, что понимание бурханизма в центральных и западных районах Южного Алтая (этническая территория алтай-кижи) различается. Наиболее явственно это проявилось, во-первых, в попытке выбрать место для постоянно действующего бурханистского центра, которое сопровождалось бы ярко выраженными маркерами. Население с. Кырлык отказалось устанавливать в долине Тёрёнг новые куре, на том основании, что сама доли-

на священна и не требует дополнительных атрибутов. Кроме того, некоторые бурханисты считают, что молиться человек может в любом месте, почувствовав потребность в этом. И для этого не требуется каких-либо искусственных сооружений: все, что окружает алтайца-бурханиста, является храмом. Появление же современных куре в Онгудайском и Шебалинском районах Республики Алтай объясняется тем, что там почти не сохранились куре начала XX в., а бурханизм так достаточно и не укоренился. Произошла «вторичная бурханизация». Во-вторых, проникновение бурханизма в ментальность алтай-кижи Западного Алтая настолько глубоко, то они отказались от попыток проведения республиканских предприятий в долине Тёрёнг, по причине ее сакральности, сохранив ее первозданность и оберегая от коммерциализации.

В работах современных ученых Республики Алтай появляются утверждения о том, что в XVII–XIX вв. Горный Алтай и Верхнее Приобье были заселены единым и фактически неизменным теленгитским этносом, и во всем близкими ему кумандинцами, тубаларами, челканцами (Самаев Г.П., 1991, с. 28–29). Такие утверждения вряд ли являются плодом исторического невежества. Скорее всего, это есть попытка традиционным способом, т.е. через обращение к «священному прошлому», обосновать выдвигаемую ныне идею моноэтничности аборигенов Алтая и в настоящем. Иначе говоря, речь идет всего лишь об искусственном конструкте – едином от века и ныне этносе, населяющем Горный Алтай. При этом игнорируется богатейшая и разнообразная этническая история народов Саяно-Алтая, Южной Сибири вообще.

Появление подобных взглядов отражает, во-первых, стремление части интеллигенции алтай-кижи представить свой этнос как «правильный», базовый для остальных народов Алтая; втянуть их «в себя», как бы «уничтожив» объективно существующие этнические границы. Такие установки, во-вторых, направлены на закрепление одного из этнонимов, фигурирующего в названии республики, за всеми аборигенами Горного Алтая, что неизбежно сопряжено с проявлением пренебрежения к этнокультурному многообразию этого региона. Утверждая тезис извечного единства и неизменяемости алтайского этноса, некоторые представители алтайской интеллигенции легитимизируют образ «истинного алтайца» (т.е. алтай-кижи, противодействующего ассимиляции): «В алтайской среде не будут пользоваться уважением, а значит предлагаться на посты и должности те, кто относится к стереотипу «обрусевшие» –

«туба» не говоря о «кайлык» (метисы), независимо от их личных качеств» (Октябрьская И.В., 2005, с. 465).

Такие постулаты, несмотря на апелляции к «единому в прошлом народу Алтая», не способствуют выработке общеалтайской идентичности. Наоборот – они провоцируют поиск другими алтайскими народами своей «особенной» идентичности, в чем им невольно помогло государство. В 1993 г. кумандинцы, как особый этнос, получили статус коренного малочисленного народа России, что сопровождалось включением их этнонима в официальный список российских народов. Следствием этого стало широко развернувшаяся среди челканцев, тубаларов, теленгитов аналогичная кампания, начавшаяся в середине 1990-х гг. и увенчавшаяся успехом в 1999 г.: они также официально были признаны самостоятельными малочисленными коренными народами. Естественно, что «этническая реабилитация» спровоцировала поиск и определение «настоящей особенности» и «действительной» этнической идентичности. Яркий пример – вышедшая в 2001 г. книга Л.М. Тукмачева-Соболева «У истоков древнего Алтая» (2001), в которой дается «новая» история кумандинцев, якобы проживающих на Алтае в неизменном виде с III в. до н.э. Понятно, что с точки зрения исторической науки, авторские фантазии несостоятельны, о чем уже приходилось писать, показательно, что и в данном случае оформление, утверждение кумандинской идентичности основано на историческом мифотворчестве. Кстати, показателем того, что государство повлияло на всплеск последнего, являются документы правительства, определившие новый статус кумандинцев, помещенные в начале упомянутого сочинения.

В настоящее время относительно народов Горного Алтая термин «алтайский» может быть использован двояко: либо как политоним («граждане Республики Алтай»), либо как указатель их географического местообитания. Со времен В.В. Радлова и В.И. Вербицкого в отечественной тюркологии существует таксономическое деление народов Горного Алтая на северных и южных алтайцев. Работы отечественных исследователей XX в., изучавших их языки, культуру, родовой состав, подтвердили этот принцип деления, обнаружив достаточно серьезные различия между северными и южными алтайцами. Создание в 1922 г. Ойротской автономной области в Горном Алтае имело менее искусственный характер, нежели образование Горно-Шорского национального района. Помимо реализации политики национального строительства в Сибири, оно бы-

ло логическим продолжением пробной реализации принципа политического оформления недавно сложившегося этноса в виде недолгого существования Алтайской горной и Каракорумской дум периода Гражданской войны. Само название автономии явилось следствием прямого влияния бурханизма, национальной религии алтай-кижи, с его ярко выраженными джунгарскими (ойратскими) реминисценциями. Однако географические рамки национальной автономии оказались гораздо шире этнической территории алтай-кижи (собственно алтайцев). В состав Ойротии, кроме русского населения и южноалтайских этнических общностей (алтай-кижи, теленгитов и телеутов), были включены северные алтайцы: челканцы, кумандинцы, тубалары, по всем этнопоказательным характеристикам вплоть до языка, этногенеза, исторических взаимоотношений с Россией более тяготевшим к Шории, Хакасии, Средней Томи. Следовательно, горноалтайская автономия изначально оказалась достаточно рыхлым, гетерогенным образованием.

Как любая горная страна, Алтай полиэтничен и поликультурен. Попытки искусственно свести все этнокультурное разнообразие Горного Алтая к одному этнониму с научной точки зрения абсурдны и могут иметь негативный общественный резонанс или даже гораздо более серьезные последствия. Следует также обратить внимание на то, что согласно материалам Н.А. Тадиной (2005, с. 43), «...алтай-кижи (т.е. собственно алтайцы. – *Л.Ш.*) из бурханистских мест считают себя «настоящими» и называются су-кижи».

Таким образом, внутри современных алтай-кижи сохраняются признаки конфессионального обособления, которые четко обозначались в начале XX в. – в период становления и распространения бурханизма. Если конфессиональные различия значимы среди современных алтай-кижи, часть которых считают себя буддистами или адептами разных христианских течений либо исповедуют добурханистские верования, то эти различия вкупе с разной этнической принадлежностью горно-алтайских этносов предельно наглядно демонстрируют этнокультурную мозаику этого региона.

Основная функция бурханизма как идеологического феномена была направлена на укрепление надродовых стяжек внутри алтай-кижи, которые в начале XX в. сформировались как этнос. Бурханизм с его идеей монотеизма, равенства перед Бурханом членов различных сеоков независимо от родовых покровителей дополни-

тельно консолидировал «молодой» этнос. Принадлежность же каждого его члена к «новой вере» унифицировала не только конфессиональное, но и еще сохранившееся этническое разнообразие компонентов, вошедших в этот этнос. Бурханизм одновременно выступал в качестве этнического и религиозного объединяющего начала алтай-кижи. Их этническая неоднородность, уходящая в прошлое и сохранявшаяся в виде родов – в сущности осколков древних и средневековых этносов (майман, кыпчак, тёлёс и др.), нивелировалась в процессе этноисторического развития и сглаживалась. Следствием этого процесса стало появление иерархического сознания, в котором совмещались как принадлежность к определенному роду, так и включенность в общность алтай-кижи. На определенном этапе развития тюркоязычного населения Западного и Центрального Алтая произошла его этническая консолидация, усугубленная принятием «своей собственной» веры – бурханизма. Он еще жестче обозначил на исторической арене рождение нового этноса, подкрепил общую этническую принадлежность его членов единой специфической конфессии.

Трагическое побоище бурханистов в 1904 г. в урочище Тёрёнг и последующие события российской истории приглушили пассионарный процесс сложения новой этнической общности, исказили его. Была нарушена тенденция, когда алтай-кижи со временем могли бы стать центром этнического притяжения для других народов Алтая, а бурханизм – их общей религией. Впрочем, этому противодействовали ход и направленность этнических процессов у других народов Горного Алтая, имевших собственный этногенетический потенциал.

Учитывая, что в наше время даже вполне консолидированные алтай-кижи, помимо родового деления, сохраняют локальные особенности (усть-канская, онгудайская, шебалинская группы), различаются по степени сохранения бурханистских традиций («сукижи»), вряд ли правильно настаивать на наличии в границах Республики Алтай «единого алтайского этноса». Вернее было бы использовать по отношению к ее коренному населению термин «народы Горного Алтая».

В конце XX в. алтайское общество как бы вернулось к решению той проблемы, которую оно попыталось решить в начале века: через принятие общей для всех членов социума идентичности обозначить свое место на современном этапе исторического процесса. Раньше это было потребностью этноса алтай-кижи, теперь стало

в той или иной степени стремлением всех народов Горного Алтая. Однако, как уже отмечалось, этот процесс протекает медленно и противоречиво, сталкиваясь с объективными и субъективными препятствиями. Вот почему столь важно вновь подойти к пониманию того, почему общая самоидентификация почти удалась в начале XX в., и почему сейчас на этом пути возникают почти непреодолимые сложности.

В связи с этим появляется необходимость определения условий и факторов, способствующих зарождению и формированию идентичностей. Материалы раннего бурханизма демонстрируют стихийный, спонтанный характер его возникновения, и даже когда прекратилась активная деятельность его лидеров, сформулировавших основные черты новой идентичности, они остались частью ментальности данного народа.

Думается, что именно здесь пролегает грань между идеологическим конструктом и эндогенным феноменом. Выработка конструктов вызвано интересами элит и государства, оно является следствием интеллектуальной работы и не опирается на достоверную этническую, этнокультурную традицию. Более того, наличие такой традиции препятствует успешному распространению конструкта. Именно поэтому конструктивистская теория происхождения этничности получила широкое распространение в странах с высоким уровнем мигрантов среди населения (США, Канада). Порвав свои связи со странами исхода и оказавшись в новой среде, это гетерогенное маргинальное сообщество ощущало необходимость появления новой идентичности взамен утраченной. Тем самым элита (иногда фанатически настроенные индивиды), создавая новую этничность или вовсе отрицая таковую, отвечает неясным запросам общества на новую самоидентификацию. Потому конструкты могут принимать самые разные, порой явно надуманные, образы и включать в себя совершенно разнородные, даже противоречащие один другому, компоненты, т.е. тяготеет к откровенной эклектике. Такую «идентичность» можно очень быстро распространить в обществе через СМИ. Однако в данном случае ее выбор будет носить индивидуальный характер, и если она не закрепится в межпоколенной связи (перейдет в традицию), то после того, как прекратится ее трансляция, она «размоется».

Но в социумах, сохраняющих традицию или, хотя бы, заметные элементы традиционного общества, «новая идентичность» может возникать только в рамках данной этнокультурной парадигмы:

ведь каждый член такого социума (этноса) может «проверить» предлагаемую модель, опираясь на собственные традиционные представления. И эта «новая идентичность» будет связана тысячей нитей с прежними идеями, представлениями, обыкновениями, всем складом предшествующей жизни.

Феномены, подобные бурханизму, были следствием длительного периода развития этноса. Их закрепление осуществлялось в коллективной памяти естественным путем, поэтому они обладают большим потенциалом устойчивости, становясь необходимой составляющей ментальности этноса. Именно поэтому, хотя бурханизм начала и конца XX в. существенно различается, это явление продолжает существовать и развиваться, а значит, у современных исследователей появляется еще один шанс изучать его, подобно предшественникам, пытаясь понять, каким образом народы находят предназначенное им место в прошлом, настоящем и будущем.

Библиографический список

Анохин А.В. Бурханизм в Западном Алтае // Сибирские огни. №5. С. 162–167.

Бутанаев В.Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан, 2002. 166 с.

Данилин А.Г. Бурханизм. Горно-Алтайск. 1993. 205 с.

Октябрьская И.В., Озонова А.Б., Нечипоренко О.В., Посух О.Л. Коренные малочисленные народы Республики Алтай на пороге XXI века: проблемы этнической идентичности // Российская Западная Сибирь – Центральная Азия: региональная идентичность, экономика и безопасность. Барнаул, 2005. 465 с.

Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII середине XIX в.: проблемы политической истории и присоединение к России. Горно-Алтайск, 1991. С. 28–29.

Тадина Н.А. Этническая консолидация и преемственность поколений в осмыслении бурханизма // ЭО. 2005. №4. С. 43–44.

Тукмачев-Соболеков Л.М. У истоков древнего Алтая. Бийск, 2001. 120 с.

Шерстова Л.И. Алтай-кижи в конце XIX – начале XX в. Формирование этноконфессиональной общности: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985. 20 с.

Шерстова Л.И. Бурханизм: истоки этноса и религии. Томск, 2010. 288 с.